

НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС — НЗ
КНИГА ПЯТАЯ

НЕПРИКОСНОВЕННЫХ НЕТ

ОЛЕГ ЗАЙЦЕВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Зайцев

**5-Неприкосновенных нет. Цикл
Неприкосновенный запас - НЗ**

«Автор»

2026

Зайцев О. В.

5-Неприкосновенных нет. Цикл Неприкосновенный запас - НЗ /
О. В. Зайцев — «Автор», 2026

Старая власть возвращается из холода — вместе с людьми, которым система заранее простила всё. Одиннадцать защищённых получают доступ к резервам, оружию и последнему проекту погибшего мира. Среди них — Андрей Орлов, готовый восстановить государство любой ценой, и Надежда Горина, мать Ильи, исчезнувшая десятилетия назад. Их план способен остановить Цветение. Но очищенный мир станет смертельным для миллионов людей, успевших приспособиться к новой биосфере. До запуска Белого ствола остаётся семь дней. Затем — шесть часов. Потом останутся только те, кого выбрали заранее. Чтобы спасти живых, Илье придётся лишить неприкосновенности не одного диктатора, а саму идею человека, стоящего выше чужого отказа. Финал цикла, в котором никто не выйдет невиновным, а победу придётся измерять именами погибших.

© Зайцев О. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Девять часов	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

5-Неприкосновенных нет. Цикл Неприкосновенный запас - НЗ

Глава

ОЛЕГ ЗАЙЦЕВ
НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС
Книга пятая
НЕПРИКОСНОВЕННЫХ НЕТ
Роман
2026

Олег Зайцев • Неприкосновенных нет
18+

© Олег Зайцев, 2026

Все права защищены.

Аннотация

Старая система раскрыла свой настоящий неприкосновенный запас — одиннадцать людей, которых нельзя судить, отозвать или лишить власти. Они возвращаются вместе с лекарствами, энергией и государством, исчезнувшим десятилетия назад. Среди них — мать Ильи Горина. Теперь спор идёт уже не о запасах и не о версиях личности. Кто имеет право командовать спасённым миром? И можно ли построить будущее, если для некоторых закон навсегда сделал исключение?

Цикл «Неприкосновенный запас»

1. Срок годности
2. Норма потерь
3. Мёртвый резерв
4. Право последнего
5. Неприкосновенных нет

Ранее в цикле

Весной 2087 года протокол Последнего начал заменять живых людей их более свежими версиями. Илья, Вера Соколова, Вера Белова, Мира и Яков добрались до корневого узла Р-2 во время разрушительного паводка. Они отменили автоматическое наследование имени, должности и власти, сохранив новые версии отдельными людьми. После отключения протокола открылся НЗ-0 — скрытый реестр одиннадцати защищённых лиц, которых нельзя судить, отозвать или лишить доступа. Среди них — Надежда Горина, мать Ильи. До её возвращения осталось сорок семь часов. Продолжение следует непосредственно из предыдущей книги.

Глава 1. Девять часов

Девять часов — это много, если ждёшь человека.

Можно поспать. Поесть. Поссориться. Помириться, если ошибка не слишком серьёзная. За девять часов Митя мог трижды разобрать исправный насос, дважды собрать его неисправным и один раз убедить всех, что так и задумано.

Девять часов — это мало, если к человеку прилагается государство.

На корневом экране Р-2 оставалось:

08:47:13

Под цифрами горело:

ЗАПИСЬ НЗ-01.

ВОЗВРАТ БИОЛОГИЧЕСКОГО НОСИТЕЛЯ.

ЛОКАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ НЕ ТРЕБУЕТСЯ.

Ещё ниже наша система приписала мелким шрифтом:

ЗАТРОНУТЫЕ СТОРОНЫ: НЕ УСТАНОВЛЕНЫ.

Я взял карандаш.

— Не пиши «все», — сказала Тая.

— Почему?

— Потому что не проверил.

— А кого не затронет возвращение начальника государственного резерва с бессрочным иммунитетом?

— Корову.

Из машинного зала донеслось мычание.

Корова жила там третий день. Во время паводка её вытащили с затопленной фермы, потом потеряли хозяина, затем нашли хозяина, но не нашли сухого места для коровы. Машинный зал оказался тёплым, просторным и уже достаточно разрушенным, чтобы одна корова не ухудшала проектную документацию.

— Корову тоже, — сказал Кочет. — Если государство введёт налог на молоко.

Я написал:

ЗАТРОНУТЫЕ: ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ВСЕ ПОДКЛЮЧЁННЫЕ ОБЪЕКТЫ И НАСЕЛЕНИЕ В ЗОНЕ ИХ СНАБЖЕНИЯ. ПРОВЕРИТЬ.

Тая прочитала.

— Теперь нормально.

— Ты только что одобрила слово «предположительно».

— Я взрослею.

Она сидела на перевёрнутом ящике возле второго терминала и чистила карабин. Чистить там было почти нечего. Оружие три дня мокло в грязи, один раз полностью ушло под воду, потом Тая уронила его на лестнице, когда вытаскивала человека с разбитой ногой. Карабин пережил всё лучше человека. Теперь на затворной раме проступала рыжая пыль.

Кочет сидел на полу у вскрытой кабельной шахты. Половина его тела находилась снаружи, вторая — внутри. Из отверстия торчали ботинки, моток провода и ругань.

— Я всё слышу, — сообщил он.

— Что именно?

— Государство.

— По проводу?

— Нет. Оно тяжёлое. Перекрытие скрипит.

Р-2 скрипел уже трое суток. После паводка вода ушла не вся. Бетон напился ею и поне-
многу отдавал обратно. С потолка капало. В вентиляции хлюпало. Один из аварийных насосов
каждые сорок секунд вздыхал так, будто ему надоело участвовать в истории.

В корневом зале пахло мокрым бетоном, машинным маслом, дымом от керосинки и
людьми, которые давно перестали различать собственную одежду по запаху.

Нормальный запах рабочего помещения.

Ненормальным был только экран.

08:43:52

Восемь часов сорок три минуты до человека, имени которого мы не знали.

Полномочия знали.

Иммунитет знали.

Человека — нет.

Я открыл новый журнал. На обложке Кочет вчера написал углём: «НЕПРИКОСНОВЕН-
НЫХ НЕТ». Почерк был его. Буква «К» напоминала человека со сломанной ногой.

На первой странице оставалось одиннадцать пустых строк. НЗ-01, НЗ-02 и дальше до
НЗ-11. Только у седьмой уже появилось имя:

НЗ-07 — ГОРИНА НАДЕЖДА ВИКТОРОВНА.

Мать.

Я посмотрел на строку и ничего не почувствовал. Это беспокоило меньше, чем должно
было. Мать умерла для меня давно. Сначала от воспаления лёгких — так рассказывали. Потом
выяснилось, что не умерла. Потом оказалось, что и «не умерла» недостаточно точно. Её тело
двадцать восемь лет лежало в глубоком холоде под местом, где люди выращивали картошку,
ругались из-за дров и рожали детей.

До её возвращения оставалось сорок шесть часов с чем-то.

До чужого государственного начальника — меньше девяти.

Очередь у государства была лучше.

— Кочет, нашёл?

— Нашёл, почему мне не нравится.

— Это я и без кабеля могу.

Он вылез наружу. Лицо в серой пыли. Волосы мокрые. На щеке свежая царапина. После
ранений прошлых месяцев Кочет двигался медленнее, но всё равно быстрее большинства здо-
ровых, особенно когда не признавался, что ему больно.

Он показал кусок толстого силового кабеля.

— Мы отключили сеть НЗ-0 от локального реестра. Разорвали связь с передатчиком.
Оптику вынули вообще. Тогда почему эта сволочь знает, что мы делаем?

— Потому что время идёт?

— Через силовую землю.

— Объясни как сроковщику.

— Плохо.

— Уже понял.

Старые объекты делали так, чтобы командная связь переживала повреждение обычных
линий. Отдельный контур через защитное заземление. Скорость низкая, полоса худая, зато
пока существует соединённое железо — существует канал.

— Вся сеть Р-2 сидит на общей земле?

— Не только Р-2.

За стеной силовые магистрали уходили на насосы, медблок, временную кухню, восточ-
ный шлюз, отопление барачных и полевой госпиталь Южной коалиции.

— Нет, — сказал я.

— Я ещё ничего не предложил.

— Предложишь отключить.

— Предложу проверить.

Тая отложила затворную раму.

— Что надо отключить?

Кочет начал загибать пальцы.

— Корневой зал. Основную насосную. Медицинскую ветку. Южный распределитель.

Релейную.

— Сколько?

— Если быстро — минут пять.

— Медблок?

— На аккумуляторах.

— По паспорту или по жизни?

Кочет помолчал.

— Вот поэтому сначала медблок.

Медблок устроили в бывшей диспетчерской западного каскада. Четыре койки, семь пациентов, две лампы, один нормальный аппарат искусственного дыхания и один аппарат, который Вера Белова называла «не трогай, он обидчивый».

На пятой койке лежал человек без койки. Ему постелили на снятой двери. На обратной стороне всё ещё читалось: «НЕ ЗАГРОМОЖДАТЬ ЭВАКУАЦИОННЫЙ ВЫХОД». Теперь выход был занят по назначению.

Белова сидела возле девочки лет десяти и меняла повязку на обожжённой руке. Щёлочь из аккумулятора сняла кожу от локтя до кисти. Оля Сомова держала лампу.

— Пять минут без сети, — сказал я.

— Нет, — ответила Белова, не поднимая головы.

— Аккумуляторы.

— Я слышала.

— Сколько держат?

— Если верить панели — семьдесят четыре минуты.

— А если не верить?

Она закрепила повязку и посмотрела на меня.

— Основной аккумулятор затопило позавчера. Резервный держит вентиляцию. Не держит подогрев крови, стерилизатор и диализ.

В углу лежал старик. Трубка шла от руки к небольшой коробке на стойке. Коробка мигала зелёным.

— Пять минут?

— Почки считать не умеют.

— Значит, нельзя.

— Значит, сначала переведём критические устройства на отдельный генератор.

— Есть?

Оля сказала:

— Был.

Это слово после Цветения редко означало хорошие новости.

— Где?

— У мостовой бригады. Их насос залило. Руденко разрешил взять резерв.

— Когда вернут?

— Два часа назад.

Я вышел за генератором.

Мостом называли две рельсовые фермы, три настила из шпал и коллективную надежду на то, что физика устала спорить. Река под ним ещё не вернулась в русло. Вода шла через

бывшую станцию, дворы, склад и половину дороги. В мутном течении медленно вращалась крыша сарая.

На мосту работали двадцать три человека. Двадцать четыре, если считать Митю. Митю обычно стоило считать отдельно.

Он стоял возле генератора с разводным ключом.

— Не дам.

— Доброе утро.

— Я серьёзно. У нас лебёдка.

— У нас диализ.

— Лебёдка держит центральную балку.

— Старик держит кровь.

Яков подошёл с другой стороны. По документам старой системы он был К-17/18. По лицу — достаточно похож на человека, которого НЗ собиралась сделать из меня. По жизни — Яков. Мы добились этого права три недели назад. Система соглашалась неохотно.

— Генератор не снимайте, — сказал он. — Через двадцать минут закончим натяжение.

— Уверен?

— Нет.

— Тогда почему двадцать?

— Потому что тридцать Митя считает оскорблением.

— Двадцать пять нормально, — подтвердил Митя.

В этот момент приплыло дерево. Большое. Ствол шёл боком, корнями вперёд. В корнях застряла половина забора, кусок крыши и синее детское ведро.

— Блядь, — сказал Митя.

— Вот теперь условия задачи полные, — ответил я.

Ствол ударил во временную опору. Ферма дёрнулась. Кто-то упал. Лебёдка взвыла. Второй удар вдавил опору ниже. Вода хлынула поверх настила.

Тая уже бежала на мост. Яков лёг у лебёдки. Митя рубил фиксатор балки. Трос натянулся, зазвенел и лопнул. Конец ударил мужчину в плечо, развернул и сбросил к краю. Тая поймала его за ворот, Яков — за ремень.

— Я могу сам! — крикнул мужчина, повиснув над водой.

— Поздно, — ответила Тая. — Теперь ты коллективный.

Балку освободили. Течение подхватило её, она ударила дерево сбоку и развернула ствол от фермы. Через минуту мост снова казался почти мостом.

Митя сел на мокрый настил.

— Балки нет.

— Зато мост есть, — сказал Яков.

— Пока.

— Хорошее слово.

Генератор мы сняли.

На обратном пути появился Руденко на ручной платформе. В руках у него была сухая папка. Я сразу не доверял людям с сухой бумагой после паводка.

— НЗ-0 открыл маршрут к НЗ-01, — сказал он.

— Где?

— Под старым правительственным кварталом.

— Он затоплен.

— Именно поэтому маршрут был закрыт. Верхний уровень — метр двадцать. Нижние шахты неизвестно.

— Зачем нам туда?

— Через восемь часов система восстановит носитель сама.

— Это я знаю.

— Не всё.

Он протянул папку. На первой странице старая схема, датированная 2038 годом. На второй — свежая распечатка:

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПРОЦЕДУРА ВОЗВРАТА НАЧАТА.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДОСТУПА К МЕДИЦИНСКИМ РЕЗЕРВАМ — 31%.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДОСТУПА К ТРАНСПОРТНЫМ РЕЗЕРВАМ — 18%.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ КОМАНДНОГО КОНТУРА — 7%.

— Он ещё не проснулся.

— Знаю.

— А права уже просыпаются.

— Да.

Кочет прочитал лист.

— Семь процентов чего?

— Пока запросы. На четыре объекта. Два медицинских, склад горючего и один неизвестный.

— Что получили?

— Каменка получила доступ к инсулину. В Засеке открылась кассета антибиотиков. Все замолчали.

— Уже выдали?

— Двенадцать пациентов получили инсулин. Пятерым детям вводят антибиотик.

Вот так и приходит власть.

Не строим. Не танками. Не речью.

Ключом от холодильника.

Мы подготовили отключение за час. Перевели медблок на генератор. Раздали ручные мешки вентиляции. Поставили людей у каждой койки. Когда Кочет опустил рубильник, Р-2 исчез сразу. Остался фонарь в моей руке и звуки: вода, дыхание, генератор за стеной, корова.

Через сорок секунд под полом щёлкнуло реле. Потом второе. Потом третье.

Мария-67 сказала по переносной связи:

— Независимый приёмник видит пакеты НЗ-0.

— Откуда питание?

— Резервное.

— Мы всё отключили.

— Не всё наше.

Через минуту включили обратно. Экран ожил:

НАРУШЕНИЕ ПИТАНИЯ ЛОКАЛЬНОГО КОНТУРА.

КРИТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ НЗ-0 ПЕРЕВЕДЕНЫ НА АВТОНОМНЫЙ РЕЗЕРВ.

ПРОЦЕДУРА ВОЗВРАТА НЗ-01 НЕ ПРЕРЫВАЛАСЬ.

И тут же:

МЕДИЦИНСКИЙ РЕЗЕРВ № 4 РАЗБЛОКИРОВАН.

— Где? — спросил Руденко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.